

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

*Е.Б. Шевченко*¹

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

г. Самара, Россия

e-mail: e.b.shevchenko@mail.ru

Аннотация. Вопрос территориальности давно перестал быть специализированным, если речь идёт о научных исследованиях последних 10-15 лет. Его осмысление требует междисциплинарного и особого подхода, который сможет предоставить не только экономическую и политическую интерпретацию, но и дифференцировать территориальность с социологической и философской точки зрения. В статье автор рассматривает вышеназванный объект через призму ретроспективного подхода, отсылающего к истории возникновения территориальности как особой сферы взаимодействия политических акторов. Выдвигается гипотеза о том, что территориальность является фактором, тесно связанным с социокультурными изменениями в аспекте взаимодействия институциональных и институциональных форм геополитической интеграции.

Ключевые слова: интеграция, геополитика, территория, миропорядок

Истоки политической территориальности лежат в рамках политической географии ещё со времён Средневековья, где различные государственные образования использовали фактор территорий для выстраивания международных отношений. В данном случае мы имеем в виду (в первую очередь) политический и философский контекст. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, как различные научные исследования позволяют внести ясность в понимание такого феномена как «территориальность» в рамках широко известной традиции рассмотрения политических отношений через призму интеграции.

Для того, чтобы рассматривать вышеуказанный феномен полноценно, необходимо сделать два допущения. Во-первых, в актуальном миропорядке (все еще) доминируют национальные государства. То есть сумму политически значимых явлений можно условно разделить на две группы: те, которые происходят между государствами и те, что происходят внутри государств. Геополитика и территориальная политика – это соответствующие дисциплины, приверженные академическому изучению взаимосвязи между понятиями «территория» и «власть». Из этого следует, что межправительственные отношения могут относиться как к межнациональным, так и к международным отношениям (или же к межгосударственным процессам) [1]. Во-вторых, существует качественное различие между площадью и территорией. Первая – это поверхность и протяженность, измеряемая с помощью пространственных инструментов, таких как карты. Территория – социально сконструирована, с и включает в себя границы, которые одновременно являются разрешающими и запрещающими по своей функции. Только человеческое действие (или, как сказали бы философы, воля) может превратить область в территорию. По мнению географа Роберта Сака, «человеческая территориальность – это преднамеренное стратегическое поведение, при котором контроль над территорией осуществляется посредством физического разграничения доступа, несоблюдение которого влечет за собой санкции» [2 Р. 137]. Появление территориальных государств можно рассматривать как яркий пример логики территориальности. На это указывают и известные системы международных отношений, в частности, Вестфальская, которая проложила путь к дальнейшей территориальной исключительности увеличению инклюзивности внутриполитические образований.

¹ ШЕВЧЕНКО Екатерина Борисовна – старший преподаватель кафедры «Лингвистика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Примечательно, что там, где некогда исчезла Священная Римская империя, ЕС в конечном счете занял центральное место на территориально сходных, но, конечно же, используя уже другие – более развитые демократические принципы. Интересно и то, что принятие решений на уровне Европейского Союза по своей сути является ни «де-», ни «пост», а «ретерриториализовано», поскольку наднациональный уровень мобилизации экономических и политических ресурсов как раз и является более возвышенной «ареной» общественно-политической деятельности для государств-членов союза. Другими словами, территориальные интересы были просто перемещены на уровень выше – уровень, имеющий институциональный характер. Естественно, логично предполагать, что именно это позволило реализовать потенциал для размещения субгосударственных, местных-региональных, национальных, европейских и других аспектов государственной политики.

В более общем плане возможны различные типы стратегических альянсов между наднациональными, национальными и местными/региональными субъектами в ЕС. Именно эти феномены помогают понять политическую территориальность, акцентируя внимание на многомерности политических систем и тех последствиях, которые важны для изучения территориальной политики. Политическая территориальность сводится к широкой попытке создать, сохранить или изменить политическую власть, контролируя область, тем самым превращая ее в территорию. Эти две квалификации применены здесь к дефинициям, предложенным философом-геополитиком Саком [2], которые можно интерпретировать следующим образом:

а) Человеческая территориальность сужается до политической. Политика, как было заявлено выше, действует в рамках системы правил, действующих лиц и политики. Любой другой подход к территориальности-психологический, антропологический, этологический - это неуместно в рамках текущего миропорядка

б) Акцент политической территориальности делается на (политической) власти, то есть на способностях потенциально использовать её для влияния на для авторитетного влияния на всё общество.

Данный взгляд отсылает нас к истокам данной проблематикой, где традиционно политическая территориальность является феноменом, следующим за распадом Священной Римской Империи, когда различные декларируемые функции (например, гарантированный религиозный мир) уже не могли быть осуществлены на обширной территории [3,4]. Несмотря на такую тенденцию, следует признать, что существуют и исключения, на что указывает положительная динамика государственной интеграции в рамках политической системы ЕС. Конечно, данный фактор скорее является почвой для начала исследовательских изысканий, нежели константой. Данное направление (исследование территориальности) может позволить нам понять, почему построению европейской идентичности препятствуют национальные государства и почему динамика политических партий в рамках политического пространства по-прежнему предсказуема. С точки зрения позиций модерн федерализма, политическая территориальность включает в себя два аспекта, которые должны быть приняты во внимание при анализе политических систем любого масштаба. Итак, рассмотрим каждое из них отдельно:

1. Измерение модели управления (модели власти). Политическая территориальность может быть измерена путем создания «политического тела». Любое разделение государственной власти осуществляется одним из двух способов: она может быть разделена между учреждениями на одном уровне, или она может быть разделена между институтами на разных уровнях. Первую возможность мы называем горизонтальным разделением власти, потому что власть остается на одном уровне (европейском, национальном, региональный или местном) в зависимости от обстоятельств. Вторую возможность мы называем вертикальным разделением власти, потому что здесь власть распределяется между различными уровнями-власть делегируется «вниз» или «вверх». На практике оба метода применяются одновременно; концептуально они разделимы. Та же классификация проводится Маассом, когда он говорит о «столичном разделении власти», подразумевая разделение власти «в столице определенного политического сообщества», в противоположность «площадному разделению власти», обозначающему разделение «между областями или регионами, которые существуют или могут

быть созданы в рамках политического сообщества» [5 Р. 23]. Однако привычное многим «капитальное разделение власти» («capital division of power») - это двусмысленный термин, а «территориальное разделение власти», хотя и технически более верное, но всё же имеет тенденцию скрывать тот факт, что, как только власть предоставляется определенным областям, они точно преобразуются в территории сами по себе. С другой стороны, сложно спорить с данным штампом, так как уже плотно используется в рамках академических сообществ.

2. Измерение политического устройства. Как только уровни определены и подтверждены относительно лежащей в их основе лояльности, необходимо рассмотреть вопрос о распределении и ограничении базовых компетенций. Территориальное разделение власти может быть достигнуто путем передачи некоторых функций центральному правительству, других - правительствам штатов или провинций, а третьих - муниципальным и местным органам власти. Общая сумма всех правительственных функций представляется в виде конечного перечня задач, и из этого перечня некоторые функции присваиваются национальному, некоторые-региональному, некоторые-местному, а некоторые-наднациональному уровням. Это сказывается на значимости соответствующего уровня.

Анализ из более отдаленных отраслей политической науки (электоральные исследования, партийная политика и политическое поведение) не включены в данную статью только так как они используют территорию в качестве промежуточной переменной. Мы же определяем политическую территориальность как форму стратегического поведения, способную оказывать влияние на два (вышеуказанных) измерения политических систем. С точки зрения социокультурных изменений следует обратить внимание на следующий ряд индикаторов: легитимность правовых документов, которые реализуются на территории государства; ареальная лояльность власти по отношению к обществу; вертикальная и горизонтальная интеграция политических сил; взаимодействие гражданского общества с представителями властных структур в контексте интеграционных процессов.

Безусловно, вышеназванные изменения требуют более детального рассмотрения и данная статья - это первый шаг в данном направлении. Важность изучения территориальных аспектов политики существует уже давно подчеркивается, что подтверждают всё новые исследования (как в России, так и за её пределами). Мы настаиваем на философском подходе к данной проблематике, так как он создает дисциплинарное единство вокруг ядра территориальной политики, которое допускает множество исследовательских точек зрения в избранном контексте.

Список литературы

1. Демидов А.Г. Территориально-политические системы // Вестник Воронежского Государственного Университета. 2011. – № 1. – С. 95-98.
2. Sack R.D. Human Territoriality: Its Theory and History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 256 p.
3. Agnew J. Political Geography. London.: 1997. – 320 p.
4. Tilly C. The Formation of National States in Western Europe. Princeton.: 1975. – 711 p.
5. Mann M. The Autonomous Power of the State // European Journal of Sociology. –1984. – № 25. – P.185-213.
6. Maass A. Division of Powers: An Areal Analysis // Area and Power. A Theory of Local Government. – Glencoe, Illinois.: The Free Press, 1959. – P.9-26.

SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE CONTEXT POLITICAL TERRITORIALITY AND OF GEOPOLITICAL INTEGRATION

E.B. Shevchenko²

Samara State Technical University, Samara, Russia

² SHEVCHENKO Ekaterina Borisovna- senior lecturer of the Linguistics, Intercultural, Communication and Russian as a Foreign Language Department, Samara state technical University

E-mail: e.b.shevchenko@mail.ru

Annotation. *When we are talking about scientific research over the past 10-15 years the issue of territoriality has long ceased to be a specialized one. Its understanding requires an interdisciplinary and special approach that can provide not only economic and political interpretation, but also differentiate territoriality from a sociological and philosophical point of view. In the article the author considers the above-mentioned object through the prism of a retrospective approach, referring to the history of the emergence of territoriality as a special sphere of interaction between political actors. The hypothesis is put forward that territoriality is a factor closely related to socio-cultural changes in the aspect of interaction between institutional and institutional forms of geopolitical integration.*

Keywords: integration, geopolitics, territory, world order